

Теплая сила

Есть актеры, воплотившие в себе, как в кристалле, некий национальный тип. Это — из самых глубин почвы. Из недр породы. В них узнают себя. Точнее — лучшее в себе. Наталья Гундарева передавала некий очень прочный, очень русский культурный код: движением плеч, поворотом точеного подбородка, взглядом голубых глаз. Ясным, сильным, спокойным.

«Моя мама говорит, что первое слово, которое я сказала, было «сама». С «сама» началась моя жизнь; этим же, наверное, и закончилось», — обмолвилась она в одном из поздних интервью. В вечном «сама» всех героинь Гундаревой, праведниц и грешниц, не было ничего общего с холодной истерией феминизма.

Ее героиням очень шло слово «хозяйка». Шла зрелость — с ее осанкой, с осознанной, трезвой (и у Гундаревой всегда теплой!) силой. Шла тайная шальная искра мысли «Где наша не пропадала...», мерцающая на радужке глаз. Шли Лесков и Островский: первой ее звездной ролью в Театре Маяковского стала Липочка («Свои люди — сочтемся»), лучшей — Катерина Измайлова, леди Макбет Мценского уезда. Ее «русскость» особо победительна, особо обаятельна именно тем, что была не «нутряной», а шлифованной. И точеной. Зритель помнит ее лукавых, сияющих, шелестящих юбкой в карнавальных венецианских ромбах — или рвущих жилы! — героинь Гольдони, Мольера, Сервантеса.

Наталья Гундарева сыграла двух императриц: и именно тех, что «сами» вели государство Российское — Елизавету Петровну в «Гардемаринах», Екатерину II — в «Капитанской дочке». В юности играла Марфиньку в «Обрыве». В зрелости... никто не смог бы так вос-

кресить мудрую и семижильную хозяйку заволжского сада, приемную мать начитанных сирот и петербургских путаников — бабушку Татьяну Марковну из того же «Обрыва», за которой для Гончарова стояла «другая великая Бабушка — Россия». Увы, в кино и театре 1990-х образ этот как-то не понадобился.

Из золотого рококо Царскосельского тронного зала, из отчаянно советской, нелепой и человеческой лав-стори гражданки Никаноровой и ветеринара Дежкина, из уездной усадьбы, где она рассказывала мальчику Лескову о судьбе Тупейного художника, из-за казенного письменного стола «Хозяйки детского дома» смотрела одна и та же женщина.

Ну что, вспомнить хрестоматийного Некрасова? Или полузабытый верлибр «Мои предки», вечных персонажей любой губернской портретной галереи: «Экономные, умные помещицы, хвастающиеся своими запасами. Умеющие простить. И оборвать. И близко подойти к человеку. Насмешливые и набожные. Встающие раньше зари зимой...».

Характер-то один. Во все века, во всех сословиях. Наталья Георгиевна Гундарева хранила его, транслировала его. С экрана передавала дальше.

Как хорошо, что остается киноплёнка! И с нею — этот мастер-класс спокойной, теплой силы. Осанки. Усмешки. Прямого внимательного взгляда. Тайно мерцающего убеждения: «Где наша не пропадала...».